

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-435-445>
EDN: SHNPUA

Научная статья / Research Article

Прометей и Заратустра: бунт Камю и нигилизм Ницше

Л.Э. Крышторп , Д.А. Калашников

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

kryshstop_le@pfur.ru

Аннотация. На формирование философских взглядов А. Камю огромное влияние оказал Ф. Ницше. Авторы исследования анализируют несколько аспектов данного влияния. В поле зрения попадает концепция «смерти Бога» Ницше и ее отражение в философии Камю, прежде всего в его ключевом понятии – понятии абсурда. Авторы приходят к выводу, что философия абсурда Камю в определенном смысле может рассматриваться как последовательное развитие ницшеанской идеи «смерти Бога», выведением всех следствий из нее. Также параллель во взглядах двух философов можно проследить в двух других аспектах – в концепции вечного возвращения Ницше и ее своеобразного воплощения в образе Сизифа у Камю, а также в ницшеанской идее трех превращений духа и ее преломлении в идее бунта Прометея. Авторы приходят к выводу, что в случае первого аспекта мы можем говорить о значительном сходстве и параллелизме идей двух мыслителей. Однако второй аспект – идея трех стадий развития духа Ницше и идея бунта Камю, как он предстает в образе Прометея, демонстрирует серьезное расхождение между ними. На третьей стадии развития духа – стадия ребенка – дух переходит от отрицания к созиданию новых ценностей, однако этот процесс может быть охарактеризован как активный нигилизм. Этот процесс подразумевает бескомпромиссное отбрасывание, разрушение старых ценностей, что и становится основанием для формирования новых. Такая позиция неизбежно подразумевает безграничную свободы отдельного индивида, того избранного, который и способен подняться до этой высоты духовного развития. Такая позиция является ответом на «смерть Бога». Бунт Камю также является ответом на абсурд. Но он имеет своим истоком не абсолютную свободу индивида, а чувство солидарности. Он рождается из стремления помочь другим людям, улучшить их положение, из стремления к общему для всех людей благу. Такой бунт не может быть неограниченным, напротив, он подчинен закону меры, соразмерности разрушения и приносимого блага.

Ключевые слова: смерть Бога, абсурд, ценность, Сизиф, Прометей

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке РНФ, № 24-28-01183 «Философская теология: сущность, история, перспективы», <https://rscf.ru/project/24-28-01183/>.

© Крышторп Л.Э., Калашников Д.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Все авторы внесли равный вклад в разработку концепции, подготовку и написание рукописи.

История статьи:

Статья поступила 29.12.2024

Статья принята к публикации 11.03.2025

Для цитирования: *Крыштон Л.Э., Калашиников Д.А. Прометей и Заратустра: бунт Камю и нигилизм Ницше // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 435–445. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-435-445>*

Prometheus and Zarathustra: Camus' Revolt and Nietzsche's Nihilism

Ludmila E. Kryshstop , Danila A. Kalashnikov

RUDN University, Moscow, Russia

 kryshstop_le@pfur.ru

Abstract. The Camus' philosophical views were greatly influenced by F. Nietzsche. The authors of the research analyze several aspects of this influence. First of all, the article concerns Nietzsche's "death of God" concept and its reflection in Camus's key concept – the concept of absurdity. The authors come to the conclusion that Camus's philosophy of absurdity in a certain sense can be seen as a consistent development of the Nietzsche's "death of God" concept, as a deducing all the consequences from it. The parallel in the views of the two philosophers can also be traced in two other aspects – in Nietzsche's concept of eternal return and its peculiar embodiment in the Camus' image of Sisyphus, as well as in the Nietzsche's idea of three transformations of the spirit and its refraction in the idea of Prometheus' revolt in Camus' philosophy. The authors conclude that in the case of the first aspect we can speak of a significant similarity and parallelism of the ideas of the two thinkers. But the second aspect – Nietzsche's idea of three stages of spirit and Camus's idea of revolt as represented in the image of Prometheus – shows a serious discrepancy between them. In the third transformation of spirit named "child" the spirit moves from negation all previous values to the creation of the new ones. This process can be characterized as active nihilism and implies uncompromising rejection and destruction of old values, which becomes the basis for the formation of new ones. Such a position inevitably implies the unlimited freedom of the individual, the chosen one, who is able to rise to this height of spiritual development. Such a position is a response to the "death of God". Camus's revolt is also a response to the absurdity as a parallel to Nietzsche's "death of God" situation. But it has its origin not in the absolute freedom of the individual, but in a sense of solidarity. It is born out of the desire to help others, to improve their situation. It comes out of the desire for the common good of all people. Such revolt thus cannot be unlimited; on the contrary, it is subject to the law of measure, to the proportionality of destruction and the good to be brought about.

Keywords: death of God, absurdity, value, Sisyphus, Prometheus

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding of Sources. The research has been performed within the project № 24-28-01183 "Philosophical theology: essence, history, perspectives" supported by the Russian Science Foundation (RSF), <https://rscf.ru/en/project/24-28-01183/>.

Contribution of authors. All the authors contributed equally to the conception, preparation and writing of the manuscript.

Article history:

The article was submitted on 29.12.2024

The article was accepted on 11.03.2025

For citation: Kryshtop LE, Kalashnikov DA. Prometheus and Zarathustra: Camus' Revolt and Nietzsche's Nihilism. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):435–445. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-435-445>

Фигуры Фридриха Ницше и Альбера Камю, безусловно, всем знакомы, как и их творчество и философия. Оба они оказали влияние на экзистенциальное направление философии, где идеи первого являются неоспоримым источником вдохновения, а второй разработал собственную философию абсурда и бунта, находясь на поле проблематики экзистенциализма. Как и для многих других, для Камю Ницше был «великим катализатором» [1. С. 61]. В своих дневниках Камю не единожды писал о Ницше: «...всегда любимого мной со страстью, равно как и с восхищением...» [2. С. 502]. Естественно, это не означает слепого подражания. Скорее, речь идет о творческом диалоге между двумя мыслителями, который начался для Камю еще в молодости. Одно из первых произведений Камю – «Счастливая смерть» – написанное, но не опубликованное при жизни, имеет как отсылки, так и общие философские мотивы с философскими взглядами Ницше [3. Р. 79]. Достаточно упомянуть, что один из персонажей имеет фамилию Загреус, напоминая нам о Загрее, который в греческой мифологии, является «одной из архаических ипостасей Диониса, ставшего, как известно, первой воинственной ипостасью „антихристианствующего“ Ницше» [1. С. 73–74]. В дальнейшем Камю не однократно будет обращаться к философии Ницше на страницах своих работ. Это дает возможность проследить как ряд параллелей, так и прямое влияние творчества Ницше на философию Камю [4. Р. 538; 5. Р. 365]. В дальнейшем мы остановимся на нескольких таких аспектах.

Падение иллюзий: абсурд и смерть Бога

Можно сразу же обозначить сравнительное поле, на котором философии Камю и Ницше необходимо соотнести между собой, что позволит взглянуть на них под новым ракурсом. Безусловно таких мотивов достаточно много – абсурд, мир без Бога, бунт и нигилизм и др. Одним из них является метафора «смерти Бога».

Хотя историю становления данной идеи, по-настоящему центральной для философии Ницше, можно проследить еще от ранних этапов становления Ницше [6. С. 82–92], прямо говорит он о «смерти Бога» лишь в «Веселой науке»: «Где Бог? – воскликнул он. – Я хочу сказать вам это! *Мы его убили* – вы и я! Мы все его убийцы!» [7. С. 163; 8. С. 592]. Таким образом, словами безумца, подводится итог общей тенденции развития Запада в его нигилизме.

При этом парадоксальность и комичность данной ситуации заключается в том, что никто, кроме этого «безумца» (в котором угадывается пророческий голос самого Ницше¹) и не замечает этого.

Важно понять, что Ницше говорит здесь о смерти именно христианского Бога, а точнее иллюзий, с ним связываемых, так как самого такого Бога Ницше считает лишь искусственно созданным философским концептом [10. S. 3–5; 11. S. 97–99]. Хайдеггер в этой связи, характеризуя «смерть Бога» Ницше, очень точно замечает следующее: «Умер „моральный“ христианский Бог – „отец“, у которого ищут спасения... <...> ... ведут переговоры и рассказывают о своих злоключениях... <...> ... умер тот Бог, с которым обделывают свои „дела“ <...> Он умер потому, что люди убили его. А убили его потому, что исчислили сообразно своим потребностям в воздаянии и тем самым сделали маленьким его величие как Бога. Этот бог лишился власти, поскольку был „заблуждением“ людей, отрицающих и жизнь, и себя...» [12. С. 125–126].

Но за образом Бога в конечном счете скрывается и нечто большее. Подобная метафора служит для обозначения сверхчувственного мира вообще. Бог – наименование сферы идей. Эта область сверхчувственного. Мир потусторонний, доселе рассматривавшийся как источник непреходящих ценностей и вечных истин, вместе со «смертью Бога» также терпит крах [13. Р. 544]. Фактически речь идет о смерти идеального как такового, о том, что трансцендентного и метафизического как источника для ценностей больше нет: «...сверхчувственный мир лишился действенной силы. Он не подает уже жизнь. Пришел конец метафизике – для Ницше вся западная философия, понятая как платонизм» [14. С. 174]. В конечном итоге, как отмечает К. Джентили, речь идет о крахе Абсолютного [15. S. 201].

На данных «руинах» выстраивается и философия Камю, поскольку она только и возможна при условии, где роль Бога, а вместе с ним и трансцендентное, метафизическое были подвергнуты сомнению. Фактически философия Камю может рассматриваться как выведение всех следствий из «смерти Бога». Именно на этом пути мы и приходим к констатации неустранимой абсурдности человеческого существования.

Абсурд, понятие философии Камю, которое существует в мире, где нет всесильного разума, идеального существа к которому можно обратиться, где измерение трансцендентного и метафизического отсутствует. В такой ситуации человек теряет опору, так как смысл его жизни перестает быть самооче-

¹ Следует отметить, что в исследовательской литературе существует мнение, согласно которому не корректно отождествлять позицию «безумца» с позицией самого Ницше, а следует, напротив, рассматривать его только лишь как литературный образ, который создает необходимую для философа дистанцию и свободное пространство для маневра. В частности, А.У. Зоммер полагает, что использование такого рода литературных образов (другим ярким примером может служить образ Заратустры) является интегральной частью ницшеанской «экспериментальной философии», суть которой заключается в том, чтобы освободить экспериментального философа от необходимости занимать какую-либо окончательную позицию [9. S. 18].

видным. Тут и рождается абсурд, в конфликте между человеком, вопрошающим о смыслах, ищущем опоры, и миром, который в отличие от человека иррационален и лишен смысла: «Сам по себе мир не абсурден, он просто неразумен, так как является внечеловеческой реальностью, не имеющей ничего общего с нашими желаниями и нашим разумом» [16. С. 14].

Что касается метафизических учений или научно выстроенных теорий, то их Камю расценивает как своего рода подмену. Такие представления являются антропоморфными, они суть лишь наши собственные построения и не относятся к миру как таковому: «Мир вполне познаваем, от одной научной теории мы переходим к другой, более совершенной. Но это всегда наша теория, гипотетическая конструкция человеческого ума» [16. С. 14]. Их построение – это бегство от абсурда, которое может принимать разные формы, но в равной степени уводит нас от ясности и решимости признать нелицеприятную и некомфортную для человека правду. Камю же требует иметь мужество смотреть абсурду в лицо: «Усилий требует как раз противоположное: сохранять, насколько возможно, ясность мысли, пытаться рассмотреть вблизи образовавшиеся на окраинах мышления причудливые формы» [16. С. 28].

Для осознания абсурда необходимо мужество и ясность видения. Но те же самые качества требуются и для констатации «смерти Бога». И точно также многие предпочли бы остаться в иллюзии, чем признать ее. На страницах «Так говорил Заратустра» Ницше пишет: «Его мудрость гласит: так бодрствовать, чтобы сон был спокойный. <...> Для всех этих прославленных мудрецов кафедры мудрость была сном без сновидений: они не знали лучшего смысла жизни» [17. S. 40; 18. С. 21].

Как и в случае бегства от абсурда, нежелание признать «смерть Бога» связано со стремлением избежать внутреннего противоречия и потери смысла, задаваемого человеческой жизни как бы извне и свыше. И Ницше, и Камю четко осознавали эту ситуацию и оба полагали, что подлинным духовным подвигом для человека является не терять ясность видения и не пытаться бежать в поисках надежного (пусть и иллюзорного) укрытия. Такую позицию Камю и называет бунтом, видя именно в нем ответ на абсурд и нигилизм [5. Р. 370–371].

Вечное возвращение и Сизиф

Глубже раскрыть эту параллель нам помогают мифологические образы, используемые двумя философами – образы Сизифа и Прометея, переплетающиеся с идеей вечного возвращения.

Миф о вечном возвращении, можно найти в ряде работ Фридриха Ницше, но, как и в случае со «смертью Бога», впервые он появляется на страницах «Веселой науки». Эту идею Ницше можно рассматривать с разных сторон – в ее космологическом, онтологическом, метафизическом аспектах. Для нас в рамках данного рассмотрения наиболее важен морально-антропологический

аспект. И в таком случае идею вечного возвращения можно резюмировать следующим образом: «вопрос, сопровождающий все и вся: „хочешь ли ты этого еще раз, и еще бесчисленное количество раз?“ – величайшей тяжестью лег бы на твои поступки! Или насколько хорошо должен был бы ты относиться к самому себе и к жизни, чтобы не *жаждать* больше ничего, кроме этого последнего вечного удостоверения и скрепления печатью?» [7. S. 265–266; 8. С. 660].

Именно данный пласт рассмотрения будет иметь непосредственные точки соприкосновения с взглядами Камю, выраженных в образах Сизифа и Прометея, служащих для описания положения человека в мире и того, как ему существовать в подобном положении. Конечно речь здесь идет не столько о самих древнегреческих мифах, сколько о своеобразной интерпретации, даваемой им Камю. Сизиф – герой вынужденный, в качестве наказания, водружать валун к вершине горы. Его преступление заключалось в том, что из любви к жизни он пожелал оставаться на земле и попытался обмануть Аида. Через данную метафору Камю демонстрирует, что человек бунтует против воли богов, ведь невзирая на свою участь, он продолжает лицеизредь абсурд и не отворачивается от него, он преодолагает свое положение жизненной установкой на преодоление, даже в таких тяжких условиях.

По сути, при помощи данного образа Камю констатирует наличие в мире определенного цикла, развивающегося по своим собственным законам, неподвластным воле человека и для него непрозрачным. Его невозможно нарушить, он обусловлен устройством мира. Эта ситуация может быть для человека источником страданий и неудобств. Он предстает в философии Камю как абсурд, так как речь идет уже не о тех страданиях, которым в любой традиционной системе верований придавалось какое-то объяснение и смысл, а о совершенно бессмысленных и при этом абсолютно неизбежных страданиях. В такой ситуации только жизненный выбор в пользу бунта позволяет преодолеть внутренние страдания, невзирая на невозможность изменения внешних условий. Таким образом тяжесть мира может быть водружена на плечи героя, если он будет достаточно смел, мужественен, достаточно «силен», чтобы принимать свой удел не как наказание, но как что-то само собой разумеющееся, то что должно преодолевать, но не ради конечного «выигрыша», который станет успокоением, но ради самого «бунта», действия и мысли, которую должно повторять в этом цикле «снова и снова». В этой установке, выборе бунта, мы видим непосредственную реализацию ницшеанской установки: «хочешь ли ты этого еще раз, и еще бесчисленное количество раз?».

Прометей и три превращения духа

Еще одним мифологическим образом, важным для философии Камю, является образ Прометея, который является ответом Камю на ницшеанскую концепцию трех превращений.

В работе «Так говорил Заратустра» Ницше выделяет следующие три стадии развития человеческого духа: верблюд – это «да», лев – это «нет», и только ребенок «святое слово утверждения» [17. С. 35; 18. С. 19]. Если раскрывать эти стадии как экзистенциальные, то вырисовывается картина развития человеческой личности способной проявить свое «Я», личное начало и перейти к созиданию. Верблюд «да», но не в смысле утверждения, но в смысле соглашательства, конформизма. Это стадия еще непробужденного духа, который не осознал свое «Я». Он впитывает установки из вне и просто бредет по жизни словно навьюченный верблюд. Это неподлинное существование, здесь нет момента с принятием «тяжести мира», осознания «вечного возвращения». Если мыслить верблюда в духе философии Камю, то это человек еще не осознавший абсурд, человек до «экзистенциального кризиса», «экзистенциального вопрошания», поскольку он нисколько не обдумывает ни себя, ни свое место в мире.

Лев – это «нет», в смысле сепарации от внешнего, устоявшихся смыслов. На данной стадии собственное «Я» как бы пробуждается. И чтобы лучше осознать себя, человеку нужно отгородиться, противопоставить себя окружению, внешнему. Поэтому данная стадия – это стадия активного отрицания. Лев лишь создает условие свободы, отгоняя от себя тех, кто мешает ему быть одному в этой пустыне поиска смыслом и ценностей, но через отрицание невозможно созидать, для этого нужно больше чем «клыки и когти». Тут на лицо метафизический бунт, описанный Альбером Камю в «Мифе о Сизифе»: человек осознал абсурд, но пока лишь выражает «нет».

И третья стадия развития духа – ребенок. Теперь дух способен созидать, его «Я» теперь способно создавать, утверждать. Это выражение «да» в новом качестве, со всей серьезностью и одновременно непосредственностью, какой обладает ребенок во время игры. И тут важно сделать еще одно заключение, которое характерно для Ницше, но также и для Камю. Именно эта стадия воплощается в образе Прометея.

Здесь важно отметить, что последовательность этих превращений для Ницше не является случайной. Дух развивается последовательно: нельзя прийти до стадии ребенка, не пройдя стадии верблюда и льва. Как верно отметил А. Е. Радеев: «лишь тот, кто прошел через пессимизм и нигилизм, способен преодолевать последний, т.е. говорить „да“ жизни» [19. С. 142]. Также и в философии Камю важна последовательность, постепенное возрастания в ясности и мужестве: нужно узреть абсурд, справиться с ним, а затем бунтовать, сначала подобно Сизифу, затем подобно Прометею.

Однако в образе Прометея ярче всего прослеживается и различие, имеющееся в подходах двух философов. Конечная стадия развития духа – ребенок – это стадия порождения ценностей, которое мы могли бы назвать активным нигилизмом или, как называет его Хайдеггер, – «пессимизмом силы» [20. С. 26]. Это метод создания условий для появления новых ценностей, через отрицание прежних. По мысли Ницше, по отношению к старым

ценностям невозможен никакой компромисс, их стоит отрицать, но в этом отрицании как раз и заложена сила утверждения. Такой подход предполагает и в значительной степени требует полной свободы отдельного индивида, ничем не ограниченной. Здесь и коренится основное расхождение с концепцией бунта Камю. Более глубоко его понять помогает обращение к образу Прометея, в котором Камю развивает идею индивидуального бунта до общечеловеческого. Здесь Камю выходит за рамки наследия Ницше, для которого было характерно требование абсолютной безграничной свободы для индивида [21. С. 93].

Прометей, по воле Зевса, был прикован к скале и обречен на вечные муки. Как и в случае Сизифа, эти страдания имеют характер бесконечно повторяющегося цикла. Но если Сизиф восстал из любви к своей жизни (что созвучно философии Ницше), то Прометей восстал из любви к людям, несмотря на запрет Зевса, и предвидя последующее за этим наказание. Его величайшая тяжесть – это более не груз камня и своих собственных эгоистических устремлений, но груз стремления помочь, груз бунта из солидарности и груз последствий этого стремления. Бунт Прометея благороден, это борьба со смертью, поскольку люди, смертные, не могли обходиться без огня. Также это бунт против произвола Зевса, который чересчур суров с людьми [16. С. 138]. Прометей лишь пытается восстановить баланс мира, вернув то благо, огонь, которого люди были лишены. Как отмечает Камю, в греческой картине мира «да» и «нет» уравниваются [16. С. 139]. Бунт сохраняет меру, оказывается сдерживаемым. Он не предполагает восстания против природы, поскольку во взглядах греков «бунтовать против природы – значит бунтовать против самого себя» [16. С. 138].

При помощи образа Прометея Камю демонстрирует, что бунт заложен в природу человека, как творения Прометея, но имеет этическое, а не метафизическое измерение. Это умеренный бунт, который преобразует ради существующих благ, а не безграничный, который разрушает все во имя абстрактного (что характерно для философии Ницше). Для Камю греческое наследие важно тем, что оно, являясь дохристианским, не пронизано идеями первородного греха и виновности человека. Здесь человек предстает как часть того мира, в котором он существует, между ним и богами нет непреодолимой сущностной пропасти. В этом мире нет абсолютного добра и зла, все часть природы, все неустанно находится в круговороте, который и есть вечное возвращение, присущее грекам [22. С. 18]. В этой версии вечного возвращения нет места абсолютному, поскольку знающий о нем стремится гармонизировать циклы возвращения между собой, отсюда и идея меры и поиска компромисса между «да» и «нет», вращающегося вокруг человеческих жизней, где объединяет их единственный закон – закон меры.

Итоги

В исследовании были рассмотрены некоторые аспекты философии Камю, в которых наиболее ярко прослеживаются параллели с философией Ницше, а также определенное влияние, которое взгляды последнего оказывали на Камю, начиная с ранних лет его творческого пути. К таким аспектам прежде всего следует отнести идею «смерти Бога». В определенном смысле вся философия абсурда Камю предстает как планомерное развитие этой идеи и выведение всех следствий из нее. Другим не менее важным аспектом является ницшеанская идея трех стадий развития человеческого духа, находящее свое отражение в философии Камю в образах бегства от абсурда, бунта Сизифа и бунта Прометея. Как и Ницше, Камю подчеркивает, что подлинным подвигом человека в новой экзистенциальной ситуации «смерти Бога» (абсурда) является признание этой ситуации во всей ее полноте. Как и Ницше, Камю ведет речь о создании новых ценностей, сотворении новых смыслов. Однако, образ Прометея демонстрирует и важное различие между двумя мыслителями. Метод Ницше – это активный нигилизм, отрицание прошлых ценностей, с которыми невозможен никакой компромисс. Такой подход предполагает полную свободу отдельного индивида, ничем не ограничиваемую. Метод Камю – это метод умеренного бунта, сдерживаемого благом других людей и проистекающий из чувства солидарности.

Список литературы

- [1] Фокин С.Л. Альбер Камю. Роман. Философия. Жизнь. СПб. : Алетея, 1998.
- [2] Камю А. Записные книжки. М. : АСТ, 2023.
- [3] Gaetani G. The Eternal Return of Sisyphus: Camus Interpreting Nietzsche // *Journal of Camus Studies*. 2012. Vol. 4. P. 76–85.
- [4] Duvall W. Camus's Fall – From Nietzsche // *Historical Reflections*. 1995. Vol. 21. No. 3. P. 537–552.
- [5] Gordon M. Camus, Nietzsche, and the Absurd: Rebellion and Scorn versus Humor and Laughter // *Philosophy and Literature*. 2015. Vol. 39. N 2. P. 364–378. DOI: 10.1353/phl.2015.0045
- [6] Figl J. 'Tod Gottes' und die Möglichkeit 'neuer Götter' // *Nietzsche-Studien*. Bd. 29 / hrsg. von M. Montinari. Berlin/Munich/Boston : Walter de Gruyter GmbH., 2000. S. 82–101. DOI: 10.1515/9783110244472.82
- [7] Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft // *Werke*. Kritische Gesamtausgabe. Bd. 5. Leipzig : C.G. Naumann, 1900.
- [8] Ницше Ф. Веселая наука // *Сочинения в 2 томах*. Т. 1. М. : Мысль, 1990. С. 491–719.
- [9] Sommer A.U. Gott – Nihilismus – Skepsis. Aspekte der Religions- und Zeitkritik bei Nietzsche. Zur Wissenschaftskritik Nietzsches // *Der Tod Gottes und die Wissenschaft* / hrsg. von C. Gentili, C. Nielsen. Berlin/New York : Walter de Gruyter GmbH & Co., 2010. S. 17–25. DOI: 10.1515/9783110220759.17
- [10] Stegmaier W. Der Tod Gottes und das Leben der Wissenschaft. Nietzsches Aphorismus vom tollen Menschen im Kontext seiner Fröhlichen Wissenschaft // *Der Tod Gottes und die Wissenschaft* / hrsg. von C. Gentili, C. Nielsen. Berlin/New York : Walter de Gruyter GmbH & Co., 2010. S. 1–16. DOI: 10.1515/9783110220759.1

- [11] Enders M. Heideggers Deutung von Nietzsches Proklamation des Todes Gottes // Heidegger & Nietzsche / hrsg. von H. Zaborowski, B. Babich, A. Denker. Leiden : Brill, 2012. S. 97–120. DOI: 10.1163/9789401208741_007
- [12] Хайдеггер М. Лекции о метафизике / пер. с нем. и коммент. С. Жигалкина. М. : Языки славянской культуры, 2014.
- [13] Woodward A. Camus and Nihilism // Sophia. 2011. Vol. 50. No. 4. P. 543–559. DOI: 10.1007/s11841-011-0274-0
- [14] Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Работы и размышления разных лет. М. : Гнозис, 1993. С. 168–217.
- [15] Gentili C. Friedrich Nietzsche: Tod der Kunst und Tod Gottes // Das Ende der Kunst als Anfang freier Kunst. Leiden : Brill, 2015. P. 201–211. DOI: 10.30965/9783846758557_014
- [16] Камю А. Бунтующий человек. М. : Политиздат, 1990.
- [17] Nietzsche F. Also sprach Zarathustra // Werke. Kritische Gesamtausgabe. Bd. 6. Leipzig : C.G. Naumann, 1899.
- [18] Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Сочинения в 2 томах. Т. 2. М. : Мысль, 1990. С. 5–237.
- [19] Радеев А.Е. О том, что значит говорить «Да» (по Ницше и не только) // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 17. Вып. 1. С. 140–147. EDN: TPHUSZ
- [20] Хайдеггер М. Ницше и пустота. М. : Родина, 2024.
- [21] Гуря В.А. Феномен европейского нигилизма // Terra Linguistica. 2013. № 167. С. 89–96. EDN: QALLYH
- [22] Лосев А.Ф. Античная философия истории. М. : Наука, 1977.

References

- [1] Fokin SL. *Albert Camus. Novel. Philosophy. Life*. Saint Petersburg: Aletejja publ.; 1998. (In Russian).
- [2] Camus A. Notes. Moscow: AST; 2023. (In Russian).
- [3] Gaetani G. The Eternal Return of Sisyphus: Camus Interpreting Nietzsche. *Journal of Camus Studies*. 2012;(4):76–85.
- [4] Duvall W. Camus's Fall – From Nietzsche. In: *Historical Reflections*. 1995;21(3):537–552.
- [5] Gordon M. Camus, Nietzsche, and the Absurd: Rebellion and Scorn versus Humor and Laughter. *Philosophy and Literature*. 2015;39(2):364–378. DOI: 10.1353/phl.2015.0045
- [6] Figl J. 'Tod Gottes' und die Möglichkeit 'neuer Götter'. In: *Nietzsche-Studien*. Bd. 29. Berlin/Munich/Boston: Walter de Gruyter GmbH.; 2000. P. 82–101. DOI: 10.1515/9783110244472.82
- [7] Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft. In: *Werke. Kritische Gesamtausgabe*. Bd. 5. Leipzig: C.G. Naumann; 1900.
- [8] Nietzsche F. Fun Science. In: *Writings in 2 volumes*. Vol. 1. Moscow: Mysl' publ.; 1990. P. 491–719. (In Russian).
- [9] Sommer AU. Gott – Nihilismus – Skepsis. Aspekte der Religions- und Zeitkritik bei Nietzsche. Zur Wissenschaftskritik Nietzsches. In: *Der Tod Gottes und die Wissenschaft*. Berlin/New York: Walter de Gruyter GmbH & Co.; 2010. P. 17–25. DOI: 10.1515/9783110220759.17
- [10] Stegmaier W. Der Tod Gottes und das Leben der Wissenschaft. Nietzsches Aphorismus vom tollen Menschen im Kontext seiner Fröhlichen Wissenschaft. In: *Der Tod Gottes und die Wissenschaft*. Berlin/New York: Walter de Gruyter GmbH & Co.; 2010. P. 1–16. DOI: 10.1515/9783110220759.1

- [11] Enders M. Heideggers Deutung von Nietzsches Proklamation des Todes Gottes. In: *Heidegger & Nietzsche*. Leiden: Brill; 2012. P. 97–120. DOI: 10.1163/9789401208741_007
- [12] Heidegger M. *Lectures on Metaphysics*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury publ.; 2014 (In Russian).
- [13] Woodward A. Camus and Nihilism. *Sophia*. 2011;50(4):543–559. DOI: 10.1007/s11841-011-0274-0
- [14] Heidegger M. Nietzsches Wort 'Gott ist tot'. In: *Works and reflections from different years*. Moscow: Gnozis; 1993. (In Russian).
- [15] Gentili C. Friedrich Nietzsche: Tod der Kunst und Tod Gottes. In: *Das Ende der Kunst als Anfang freier Kunst*. Leiden: Brill; 2015. P. 201–211. DOI: 10.30965/9783846758557_014
- [16] Camus A. *L'Homme révolté*. Moscow: Politizdat publ.; 1990. (In Russian).
- [17] Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. In: *Werke. Kritische Gesamtausgabe*. Bd. 6. Leipzig: C. G. Naumann; 1899.
- [18] Nietzsche F. Thus spoke Zarathustra. In: *Writings in 2 volumes*. Vol. 2. Moscow: Mysl' publ.; 1990. P. 5–237.
- [19] Radeev AE. About what it means to say „Yes” (according to Nietzsche and not only). *Vestnik SPbGU*. 2015;17(1):140–147. EDN: TPHUSZ
- [20] Heidegger M. Nietzsche and the void. Moscow: Rodina; 2024. (In Russian).
- [21] Gura VA. The phenomenon of European Nihilism. *Terra Linguistica*. 2013;(167):89–96. (In Russian). EDN: QALLYH
- [22] Losev AF. *Ancient Philosophy of History*. Moscow: Nauka publ.; 1977. (In Russian).

Сведения об авторах:

Крыштон Людмила Эдуардовна – доктор философских наук, профессор кафедры истории философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-1012-5953. SPIN-код: 6160-3444. E-mail: kryshstop_le@pfur.ru

Калашников Данила Андреевич – аспирант кафедры истории философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. E-mail: 1142220899@pfur.ru

About the authors:

Kryshtop Ludmila E. – DSc in Philosophy (Dr. habil.), Professor of the Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1012-5953. SPIN-код: 6160-3444. E-mail: kryshstop_le@pfur.ru

Kalashnikov Danila A. – Postgraduate Student of the Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. E-mail: 1142220899@pfur.ru